

УДК 82 (430) |19|

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ ВЕЙМАРСКОГО ПЕРИОДА

© 2009 Е.М. Лукинова

Орловская региональная академия государственной службы в г. Тамбове

Поступила в редакцию 5 августа 2009 года

Аннотация: *Статья посвящена отражению и формированию образа человека в прессе Германии 1920-х годов, а также в литературе Веймарской республики. В статье уделяется внимание особенностям влияния образа гражданина, созданного прессой, на немецкую литературу, стоящую в оппозиции к официальной идеологии (Э. Вихерт, Г. Фаллада, А. Деблин); рассматривается тип времени – «человек без лица» и его литературная оппозиция – образ, наделенный универсальной бытийностью.*

Ключевые слова: *Литература периода Веймарской республики, пресса Германии 1920-х годов, образ человека, Kleinbürger, Эрнст Вихерт, Ганс Фаллада, Альфред Деблин.*

Abstract: *The article deals with the incorporation and formation of a man's image in the German press of the 1920s and in the literature of the Weimer Republic. The article discusses the peculiarities of the influence of the citizen's image created by the press on German literature which was opposing the official ideology (Ernst Wiechert, Hans Fallada, Alfred Döblin); it also examines the type of time – “the man without a face” and its literary opposition – an image possessing the features of universal existential character.*

Key words: *literature of the Weimer Republic, the German press of the 1920s, a man's image, Kleinbürger, Ernst Wiechert, Hans Fallada, Alfred Döblin.*

ВВЕДЕНИЕ

Формированию образа человека в литературе начала XX века неизменно предшествует его становление в историческом пространстве Германии через репрезентацию (объективацию) в публицистическом тексте. Особенностью исторического периода Веймарской республики является тот факт, что периодическая литература, казалось бы, способствующая воссозданию объективной картины происходивших в 1920-е годы событий, социально-экономических изменений в стране, формировала и отражала не столько историческое, сколько мифологическое время. Ганс Шварц в 1928 г. писал, что «мифологи вытесняют

сегодня историков. Мифическая истина обладает преимуществом перед исторической действительностью» [1]. Отсюда и образ человека претерпевал изменение в соответствии с политической ориентацией той или иной газеты или журнала.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор методов исследования определен источниковой базой данной работы. Для реализации поставленных целей и задач применялся целый ряд методов исторического исследования. Среди них методы интерпретации исторического процесса как результата взаимодействия объективных условий и субъективных интересов, взглядов, обстоятельств и т. д. Также

© Лукинова Е.М., 2009

теоретико-методологической базой исследования стали положения, выдвинутые в трудах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Г. Зусмана, Л.С. Кауфман, Н.С. Лейтес, А.Ф. Лосева, Н.С. Павловой, а также работах немецких ученых М. Брема, П. Бреннера, К. Ротманна, М. Фик.

Поскольку данное исследование находится на стыке исторической и литературоведческой науки, в его основу был положен междисциплинарный подход при анализе литературных и публицистических текстов. Все это позволило всесторонне проанализировать особенности образа человека в Веймарской республике, созданного в прессе и литературе с учетом исторических, социокультурных, литературных и иных предпосылок его формирования и развития.

Немаловажным является разделение прессы на «центральную» и «периферийную», оказывающее влияние на разные прослойки населения Германии. В силу своих специфических особенностей пресса быстрее реагировала на происходящие события в стране, чем литература Веймарской республики, вернее, та ее часть, которая отчасти становилась заложницей сознательно формируемой различными политическими партиями в сознании среднего класса картины мира. Острая политическая война, отличавшая данный период от остальных периодов исторического развития Германии, заключалась в определенной степени в противостоянии точек зрения правых, левых, в том числе представителей СДПГ на созданную Веймарскую республику и, как следствие, на результаты войны, свержение монархии, на возникшую угрозу становления диктатуры пролетариата.

В период существования Веймарской республики пресса претерпевала стадию абсолютного подчинения новому финансовому капиталу, разрушавшему традиции прошлого, что, в свою очередь, навязывало простому немцу политические предпочтения. Государство руководило прессой путем создания мощных концернов, информационных бюро, через которые проникали нужные господствующему в стране финансовому капиталу идеи. Олицетворением официальной идеологии были «газетные фабрики», поставлявшие владельцам газет уже отпечатанные газеты без заголовков, так называемые «безголовые газеты» («kopflose Zeitung»). Они контролировали общественное мнение и одновременно мифологизировали его. Сам процесс стандартизации передачи современной информации через газетные заготовки становился основой для формирования сознания безликого, унифицированного обывателя, мещанина, с удовольствием поглощавшего ежедневную новостную информацию, отличавшуюся только региональной спецификой. «Бюро германского правительства по делам прессы было

важным инструментом государственной политики, с помощью которого правительство стремилось создать послушную прессу» [2], — писал И.Я. Биск. И как следствие, послушная пресса формировала послушную, управляемую массу обывателей. Истоком доктрины одностороннего манипулирования «массой безликих» также явились политически ангажированная периферийная пресса, отчасти и литература, исповедующая государственный «романтизм».

Это привело к тому, что уже в первые десятилетия XX века периодическая печать становится основным политическим, общественным механизмом воздействия на бюргера, простого («einfacher») немца. В связи с политической трансформацией, характерной для становления Веймарской республики, пресса занимает особую позицию в обществе. Именно ей, а не литературе, отводится роль целенаправленного формирования сознания обывателя. В начале 20-х годов всю прессу условно можно разделить на политизированную, отвечающую потребностям идеологии той или иной партии, в том числе и росту националистических настроений, или развлекательную, создающую атмосферу коллективного благополучия.

Восприятие художником происходящих в стране изменений и их влияния на «среднего» немца не могло претвориться в художественном тексте без влияния периодики и ее воздействия на индивидуальную картину мира самого писателя. Отсюда и небезосновательное расклеивание ярлыков литературными критиками: пролетарская литература, национал-социалистическая литература, литература «крови и почвы», литература «центра», «периферии». Более того, стоит отметить, что многие из представителей творческой элиты в 1920-е годы сами активно участвовали в формировании новой периодики, поддерживали жизнеспособность многих литературных журналов и газет. Интеллигенция, образованные люди находили свое место лишь в интеллектуальной сфере.

Литературу межвоенного периода, периода Веймарской республики можно условно поделить на ту, которая **подтверждала** создаваемый официальной прессой образ послушного, благополучного гражданина (Г. Гримм, Э. Юнгер), другая ее часть, не менее значительная, **развенчивала** этот образ (Э. Вихерт, Г. Фаллада), и, наконец, на ту, которая **отвлекала** сознание обывателя от неприглядной действительности, поддерживая тем самым мощную индустрию удовольствий (тиры, кафе, кабаре, кинотеатры и т. п.). Особо стоит обратить внимание на то, как увязывается с этим процессом развлекательная литература: предлагает третий путь — она отвлекает от сопротивления.

Ярким примером *развенчивающей* литературы могут служить литературные зарисовки, рассказы, публиковавшиеся в радикально-демократическом издании — журнале «Ди Вельтбюне («Die Weltbühne»), основанном в 1905 году как литературно-искусствоведческий журнал. Творческий коллектив журнала (Карл фон Оссецкий, Гельмут фон Герлах, Курт Тухольский) был той оппозиционной силой, которая старалась противостоять официальной идеологии. Сочувствующий рабочему классу, мелкому бюргеру, вернувшемуся с войны калеке, выражающий опасения по поводу растущих в обществе националистических настроений, журнал в 1930 году опубликовал целую серию статей под общим названием «Милитаризм» (К. Тухольский). В 1931 г. К. Оссецкий писал: «Мы имеем только маленькую армию, но большой милитаризм. Мы слишком привыкли подчиняться стучащему по столу генеральскому кулаку» [2]. Авторы журнала не столько формировали сознание простого человека (поскольку все-таки читательской аудиторией были образованные слои населения), сколько отражали сложившийся диссонанс между *объективной реальностью*, в которой главенствовали милитаристские настроения на фоне нищеты, безработицы и штампованности сознания — наследием первой мировой войны, и создаваемым прессой *образом благополучного бюргера*.

Трудности исследования портрета простого немца заключаются в региональном аспекте, политической раздробленности Веймарской Германии и особенностях исторического развития страны, в наличии двух религий, в противоречиях между пруссачеством и либерализмом, в политической и экономической нестабильности.

На фоне явного противостояния «центра» и «периферии» начинают складываться факторы, влияющие на формирование картины мира жителя немецких земель, удаленных от центра. Прежде всего, это естественное желание защитить свой суверенитет, если не на политическом уровне, то, по крайней мере, в области журналистики, искусства, литературы. Для периода Веймарской республики закономерно проявление черт *Heimatdichtung* в произведениях писателей, не разделявших взгляды писателей «литературы периферии», а напротив, стоявших к ним в литературной оппозиции. Так, элементы *Heimatdichtung* присутствуют во многих произведениях писателей «Новой деловитости» («*Neue Sachlichkeit*»), например в произведениях Г. Фаллады, А. Деблина, не говоря уже о неоромантических элементах в творчестве Т. Манна, Г. Гессе.

Так, например, основной позицией националистического журнала «Немецкая народность» (*Deutsches Volkstum*) был лозунг «Восстание про-

винции против Берлина» [3] (речь идет о «новом» Берлине с его активной культурной жизнью). Демонстрируя свою оппозиционность «центру», а значит, и самой Веймарской республике, журнал писал: «Мы ничего не имеем против Деблина и его романа (речь идет о «Берлин, Александерплац»), мы только говорим: он типичен для нового Берлина, для столицы этой псевдodemократической республики, которая является центральной метрополией провинций». Далее в журнале разворачивалась дискуссия с либеральной «*Frankfurter Zeitung*»: «ФЦ с ее либеральной пристрастностью не понимает смысла читательского протеста — консервативного немецкого протеста юго-западного демократической буржуазии против Берлина... Крестьянин немецкой провинции против того, чтобы ему пропагандировали дух Берлина». В этой полемике против «нового» Берлина, т. е. оппозиционного «центра», обнаруживаются типичные элементы радикального национализма периода Гитлера: прежде всего отказ от политического либерализма, насмешку над западной демократией (например, частым объектом насмешек, унижения была вражеская Франция; она изображалась в виде безобразной карикатуры — подобными карикатурами пестрела вся официальная пресса). Редактор журнала «Немецкая народность» Вильгельм Стапель выступает за литературное «*Heimatkunst*» («национальное искусство») [4] — ту его часть, которая в 30-х годах стала идеологическим подспорьем национализму и не имеющую ничего общего с неоромантическим гуманизмом Р. Хух, Э. Вихерта и т. д.

Вместе с тем, для нас представляет интерес не столько, вернее не только пресса и создаваемое ею историческое время, сколько воплощенный в ней исторический фон, явившийся конструктивным и конститутивным элементом формирования образа человека межвоенного времени, источником формирования предпосылок возникновения нового образа в немецкой литературе первых десятилетий XX века.

Главной составляющей исторического фона была монополизация сферы культуры, также и прессы, которая способствовала созданию образа человека как обезличенной составляющей огромной человеческой массы. Новые средства массовой информации (радио, газеты, иллюстрированные журналы), газеты-шаблоны, газетные концерны (первые газетно-журнальные концерны Шерля и Моссе), развитая индустрия развлечений (кабаре, пивные, ночные клубы), активизация деятельности информационных агентств и бюро — все это было ориентировано на массового потребителя с учетом его территориальной принадлежности. Созданная концепция «золотых двадцатых» и поддерживаемая правительствен-

ной партией иллюзия экономической стабильности должна была способствовать созданию мифа благополучия. Разлагающую атмосферу послевоенных лет в Германии периода становления Веймарской республики, формирующую тотальную жажду развлечений двадцатых годов, ярко описал К. Федин в романе «Города и годы»: «Такой расцвет, такая пышность, такой достаток, такое довольство... Я чувствую, что под почвой всей страны, под сознанием всего народа лежат целые пласты напряженного нетерпения... Нужна неизбежная разрядка» [5]. Речь идет об активном целенаправленном формировании милитаристского духа немецкого обывателя. Характерно описание сцен в тире, мишенями в котором являются мертвые головы преступников. «Таким способом вы не только разминаете мускулатуру застоявшемуся ландшафту, но и оттачиваете его моральное чувство, укрепляете правосознание... Главное — вся эта история проникнута патриотической идеей, идеей воспитания граждан в духе государственности» [5], — говорит главный герой романа. И далее, рассуждая об увиденном, замечает: «Какая сила стоит за этим развлечением? Ее упражняют таким невинным способом, чтобы потом направить, куда надо...» [5]. Речь идет об активной идеологизации массовой культуры досуга.

В реальности превалировал социальный хаос — нищета, инфляция, голод, мешочничество, безработица, а в прессе двадцатых годов — лишь благополучие и политические баталии. Литература, развенчивающая образ послушного, безликого человека массы, четко отмечает подобные диссонансы жизни и их влияние на расслоение сознания простого немца, актуализируя вопросы «центр-периферия», «деревня-город», «бедные (городское население)-богатые (нувориши)».

Вместе с тем, в Берлине периода Веймарской республики, ставшем центром культурной и политической жизни, формирующем представление немца о завтрашнем дне, особо остро сталкиваются социальные проблемы — это ярко представлено в романах 1920-х годов. С одной стороны, Берлин — это город, поддерживающий основную линию правительства, с другой стороны, в период Веймарской республики он самостоятельно ищет свои пути развития, и человек, живущий в нем, вынужден приспособливаться к новым реалиям. Если раньше Берлин был прежде всего политическим центром, в котором не было места такому количеству кабаре, то теперь — он становится центром разложения, городом, перенасыщенным развлечениями.

Образ Берлина, созданный писателями «литературы родины», «новой деловитости», коррелирует с образом кляйнбюргера. Kleinbürger — самая незащищенная, социально уязвимая про-

слойка немецкого общества периода Веймарской республики, целый ряд исследователей (Д.Й.К. Пойкерт, Эрих Фромм, Вильгельм Райх) не без основания отмечает, что кляйнбюргерство, начиная с периода становления Веймарской республики начала 20-х годов, являлось благодатной почвой для фашистской идеологии.

Стоит особо определить место в литературном процессе 1920-х годов Германии таких писателей, как А. Деблин, Г. Фаллада, Э. Вихерт. Именно их творчество, нравственная и эстетическая позиция могут служить примером отражения действительности, характерного для литературы подтверждения, созданного государственными идеологами образа гражданина, или литературы противостояния господствующей концепции человека.

Каждый из созданных Г. Фалладой героев ищет свой путь, находя спасение от жестокой действительности в семье. Семья для Фаллады — это основа сопротивления, путь внутреннего, но неизменного и постоянного сопротивления системе. Так, герои романов «Каждый умирает в одиночку», «Волк среди волков», не найдя своего места в жизни, претерпев лишения, побывав в заключении, всегда возвращаются домой.

Герой романа А. Деблина «Берлин, Александерплац» (1929) приспособливается к новым условиям жизни. Выйдя на свободу из тюрьмы, Франц Биберкопф удачно вписывается в систему, находит свое место. Грабежи и бесчинства, рост цен, политическая нестабильность, рост доллара по отношению к марке, голод, безработица: все это становится благодатной почвой для «человека без лица», оказавшегося в «затруднительном положении» [6]. Деблин дает своему герою единственную возможность выжить в Берлине 20-х — стать «политической проституткой», быть угодным времени. Его не терзают душевные противоречия, вопросы совести и морали. Он готов продавать нацистские газеты, но с таким же успехом он продавал бы и демократические журналы, если бы за это хорошо платили. Символична сцена, в которой герой общается с проститутками. Здесь Деблин намекает на продажность своего героя, его душевную и нравственную нечистоплотность. Этот образ коррелирует с образом, создаваемым официальной прессой. Неслучайно исследователи истории Германии 1920-х годов называют Веймарскую республику «республикой Aussenseiter'ов», то есть «республикой посторонних» (П. Гей), «расколотой страной» (К. Тухольский), «фрагментарным обществом» (К. Мегерле) [7].

Статью Э. Вихерта «Der Mann ohne Gesicht» (1929) можно считать программной для исследуемого периода. В ней писатель создал тип времени — «человека без лица», того кляйнбюргера, жизнь

которого похожа на четко работающий механизм и определяется словами Долг, Мораль, Совесть. Это тип, содержащий в себе потенцию развития согласно логике движения исторического времени, человек без лица – марионетка, опора, материал для любой тоталитарной системы. Его кредо – мысли лишь угодные государству, концепция семьи, поддерживаемая государством и т. п. «Человек без лица» описывается с рождения до момента смерти. В этом наблюдении содержится авторская аллюзия на структуру «романа воспитания», где герой показан во все периоды его взросления.

Автор подчеркивает не исключительность, а именно характерность такого человека для Германии «Er ist Überall» (Он везде) [8]. Человек без лица – это лицо улицы. Он не единичный случай. Он – тип» [8, 134]. Автор неоднократно сравнивает его с насекомыми, даже овощами (редиска). «Их глаза, как окна, были пусты» [8, 135].

«Человек без лица не аномалия, не исключение из правила... Он норма». «У него есть глаза, нос, рот, голубые глаза. Но у него нет лица» [8, 135]. Автор намеренно использует череду повторов, желая подчеркнуть отсутствие индивидуальности. При этом обязательно акцентируется внимание на его национальной идентичности. Сочинение при вступительных испытаниях он непременно пишет на тему: «Я немец! Слова гордости и долга» [8, 136]. Через девять семестров – это уже «подлинно немецкий студенческий лидер» с обязательным старогерманским именем.

В новелле «Капитан из Капернауа» («Der Hauptmann von Kapernaum», 1928–1929) Э. Вихерт также обращается к теме популяризации националистического лейтмотива «я немец!» в немецком обществе 20-х годов. Э. Вихерт пишет о герое, рожденном в семье потомственных военных: «Кристоф Зоден с детства знал лишь одно, что привилегированная каста стремилась к красным лампасам, как к обещанию рая» («die aber nach den rotten Streifen strebte wie nach der Verheissung eines Paradieses») [9]. Такая цель для этой сплоченной массы – закон. Не Бог, не природа, но только кайзер. «Господь пришел только после короля, а после бога пришли красные генеральские лампасы (die rotten Generalsstreifen)» [9, 151], – иронически замечает автор. Так, получив закрепившееся за ним прозвище, «капитан из Капернауа», герой новеллы выпадает из веками складывавшейся системы, из «безликой массы», из системы.

Смешны и бессмысленны темы, выбранные для написания диссертации «человека без лица», подчеркивается их утопичный, не имеющий отношения к реальной действительности характер, например, «О птицах в старофранцузском» или «О потреблении сельди в Германии». Он стремится к хорошей должности и счастливо устроенному до-

машнему очагу. Здесь явный намек автора на теорию «крови и почвы», в основе которой стоят три кита: семья, земля, в которой живет немец, государство. «У него есть долг перед государством и человечеством». Вихерт сознательно противопоставляет пафос слов официальной пронационалистической идеологии пустоте, «марионеточности» и одновременно политической агрессивности поступков, боязни отступить от навязанной государственной морали, боязни стать чужим для «людей без лица», приспособленчеству людей города, служащих, среднестатистических немцев. «Он смеется со смеющимися и плачет с плачущими». Он непременно – «добропорядочный прихожанин». «Авторитет и дисциплина для него – святые понятия. Карабин – его трон», «он верит, что вырождение молодежи нельзя оспаривать» [8, 137]. К финалу статьи человек лишается не только индивидуальности, но и собственно человеческих черт. Теперь он сравнивается с неодушевленными предметами. «И вот он уже стар. Не как дерево, гора или зверь. Но как стена или как маска» [8, 138]. Его голова к старости напоминает горшок на теле, но не просто старый горшок, но пустой горшок. Он умирает, но и у мертвеца «не хватает лица». Далее «он в определенном смысле бессмертен, как тип, а не как индивидуум».

Вихерт противопоставляет тип «без лица» маленькому человеку, человеку простому. Маленький человек для писателя – это всегда простой, порядочный человек. Его образ не принадлежит конкретному историческому времени, он мифологичен, его национальные черты часто редуцированы. В творчестве Э. Вихерта периода Веймарской республики можно выделить типы героев, которые в равной мере *отражают* сложившуюся историческую ситуацию, вписываются с определенным социальным контекстом (офицеры, солдаты, служащие, горняки, крестьяне, безработные и т. п.) и формируют авторскую концепцию человека, в которой политическим, социальным маркерам противопоставляется нравственность, вера.

Анализ произведений малой прозы Э. Вихерта 20–30-х годов дал возможность выявить четыре тесно связанных между собой типа героев, художественная реализация которых наиболее полно отражает поиск нового образа человека, несущего позитивный, созидающий заряд. Условное деление героев на «ищущих» («Suchende»), «жертв», «потерянных» («палачей»), «нашедших» («простых») становится возможным потому, что, не теряя своей индивидуальности, герой выступает у Вихерта как человек вообще.

Типология героев в малой прозе 1920–30-х годов становится реализацией авторского стремления противопоставить голоду, последствиям войны, хаосу реальной действительности вечный кос-

мический круговорот жизни, органичный для человека («нашего» героя).

Подобный художественный синтез всегда связывается писателем с социально-культурным контекстом и является реакцией писателя на трагические события современности, способом художника взглянуть на реальность сквозь призму вневременного, вечного, нравственного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ человека, создаваемый литературой 1920-х, во многом отличается от создаваемого прессой. Если пресса искусственно формировала сознание покорного гражданина-мещанина, предлагая свой, идеологически окрашенный образ, то литература, в свою очередь, либо поддерживала его (Э. Юнгер, Г. Бенн), либо противопоставляла ему нравственный образец. Воссоздавая историческую действительность, писатели как «внутренней», так и «внешней» оппозиции (Э. Вихерт, Г. Фаллада, Г. Гессе, Т. Манн, А. Деббин) не только отражали тип времени — «человека без лица», но и формировали образ, наделенный универсальной бытийностью. Так, поиски возможностей для диалога человека и мира, восстановления их органичного единства, составляющие основу мировоззренческой концепции писателей, стоящих в нравственной оппозиции официальной идеологии, связаны с культурно-историческим «разломом». Возрождая образ человека, восстанавливая утерянное восприятие мира, литература предлагает свой образ «простого», соединенного с космосом человека, который и является гуманистическим идеалом. Показывая трагическую составляющую человека в на-

чале XX века, литература акцентирует внимание не на деструктивной, но на гуманистической его сущности, на осознании долга и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Между Россией и Западом: дилемма немецкого «революционного консерватизма» в годы Веймарской республики / С.В. Артамошин // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: Межвуз. сб. науч. тр. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. — Вып. 3 — С. 23.
2. Биск И.Я. Пресса Веймарской республики / И.Я. Биск. — Иваново : ИвГУ, 1995. — С. 98, 142.
3. Deutsches Volkstum Jg. 12, H1. — Januar, 1930. — 5-8 S.
4. Meyer J. Berlin. Provinz. Literarische Kontroversen um 1930 / J. Meyer. — Marbacher Magazin. — № 35. — 1985. — 12 S.
5. Федин К. Города и годы. Братья / К. Федин. — М. : Художественная литература, 1974. — С. 80.
6. Alfred Doblin. Leben und Werk. In Erzählungen und Selbstzeugnissen. Hg. von Christina Althen. — Artemis & Winkler, 2006. — 219 S.
7. Евдокимова Т.В. Веймар как «послесловие» к истории «кайзеровского рейха» / Т.В. Евдокимова // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: Межвуз. сб. науч. тр. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. — Вып. 3 — С. 5.
8. Wiechert E. Samtliche Werke: In zehn Banden. Band 10. / E. Wiechert. — Wien-München-Basel : Desch, 1957. — 134 S.
9. Wiechert E. Die Novellen und Erzählungen / E. Wiechert. — Wien, München, Basel : Kurt Desch, 1962. — 151 S.

*Лукинова Е.М.
Орловская региональная академия
государственной службы в г. Тамбове.
к.ф.н., доцент.
e-mail: elena_lukinowa@mail.ru*

*Lukinova E.M.
Orel Regional Academy of State Service.
Candidate of Philology, Assistant Professor.*